

МИФЫ СУЗДАЛЯ
ОТ РЕКИ НЕРЛИ И ЗМЕЕВИКА
ДО КОНЯ КНЯЗЯ ПОЖАРСКОГО
И КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА

ОКСАНА БАЛАШОВА

МИ∞

МИФ Культура

Оксана Балашова

**Мифы Суздаля. От реки Нерли
и змеевика до коня князя
Пожарского и колокольного звона**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 82-343(470.314)

ББК 82.3(2)

Балашова О.

Мифы Суздаля. От реки Нерли и змеевика до коня князя
Пожарского и колокольного звона / О. Балашова — «Манн,
Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250273-8

Эта книга – проводник в мир легенд и преданий Суздальского ополья. Она исследует мифологические представления местных жителей – от древних славян и мерян до горожан XXI века. Вы узнаете, зачем суздальцы пекли весной «жаворонков» и «голубков», о чем «разговаривают» суздальские храмы и колокола и что случится с тем, кто попробует отыскать зачатые клады. При подготовке книги автор опиралась не только на письменные и археологические источники, но и на собранные во время фольклорных экспедиций рассказы местных жителей. Благодаря им читатель сможет по-настоящему проникнуться атмосферой повествования.

УДК 82-343(470.314)

ББК 82.3(2)

ISBN 978-5-00-250273-8

© Балашова О., 2026

© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

От автора	7
Часть I. О духах и страхах	9
Глава 1. Амулеты и «строительная жертва» в древнем Суздале	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Оксана Балашова

Мифы Суздаля. От реки Нерли и змеевика до коня князя Пожарского и колокольного звона

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Балашова О. Б., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Фото автора. ФАБ: СТ

Pavel Suhov / Shutterstock

От автора

Эту книгу можно было бы назвать «Суздаль с необычной стороны». И действительно, всемирно известный маленький древнерусский город Золотого кольца России, прославившийся своими архитектурными достопримечательностями, неожиданно открывается через призму мифологических представлений и верований его жителей в далеком прошлом, или всего каких-нибудь 20–30 лет назад, или даже в наши дни. Богатая история Владимиро-Суздальской земли, некогда представлявшей собой довольно обширную территорию, знала взлеты и падения. В первой половине XII века Суздаль стал политическим и культурным центром Северо-Восточной Руси, а в период нашествий татаро-монгольских завоевателей подвергся опустошительным разграблениям, уничтожению храмов и убийствам мирного населения. О сложной, но удивительной истории Суздальской земли написано много книг, в архивах перерыто большое количество исторических документов. И обо всем, что касается истории Суздаля и его окрестностей, можно прочитать самим или, съездив в Суздаль, услышать от экскурсоводов. Однако нигде нельзя прочесть или услышать о том, во что верили древние славяне, пришедшие в Суздальское ополье много веков назад, или чем жили, какие традиции и обряды соблюдали суздальские жители в XIX–XX веках, приняв духовную эстафету от предыдущих поколений.

Традиционная культура – удивительная сфера жизни человека. В ней сосредоточены этнографические и фольклорные сокровища народа, то, что сейчас принято называть материальным и нематериальным национальным наследием. Если материальное наследие сохраняется в этнографических коллекциях музеев и его можно увидеть и даже потрогать, то фольклорное, принадлежащее устной сфере бытования, хранится в тетрадях и на аудиокассетах фольклористов.

Суздальский край всегда привлекал пристальное внимание археологов, но, увы, не вызывал никакого интереса у фольклористов. Поэтому он не обследован так тщательно и интенсивно, как другие российские регионы и ближайшие к Суздалью области (Нижегородская, Рязанская, Костромская, Муромская, Ивановская). И напрасно. Экспедиции, организованные автором этой книги в конце XX века, открыли сохранившиеся фольклорные «залежи» Суздальского ополья. Чтобы узнать о них, записать и познакомить с ними других, пришлось немало пройти по суздальским дорогам и встретиться с теми, кто еще помнил старину. Именно жители Суздаля и его окрестных сел и деревень, будучи исконными носителями и хранителями традиций прошлого, поведали десятки чрезвычайно любопытных историй о загадочных «встречах» с мифическими существами и духами, а также поделились не одной сотней песен, примет, поверий, легенд и преданий. Вот почему в книге так много живых примеров – аутентичных текстов, документальных источников и свидетельств. Читатель сможет погрузиться в атмосферу повествования, почувствовать время, поставить себя на место рассказчика, ощутить хоть ненадолго ажиотаж от поиска клада или опечалиться от трагедии, случившейся с братьями-князьями Борисом и Глебом.

Мифологические представления и верования отражают духовное и психологическое освоение человеком окружающего мира. У суздальцев даже середины XX века они опирались на культовые традиции предков, но являли собой уже рудиментарные отголоски прошлого. С переменами в условиях жизни и быта что-то неминуемо претерпело радикальные изменения, трансформировалось, а что-то ушло навсегда. Теперь на этой земле не верят в лешего и домового и случаи «встреч» с ними из рассказов дедов и прадедов воспринимают как забавные сказки. Однако рассказы о подземных ходах и зачатых кладах, а также способах овладения ими по-прежнему выглядят заманчиво. Интерес вызывают и поверья о суздальских колдунах и их невероятных магических способностях.

Предания и легенды неразрывно связаны с историей места. В них так или иначе отражаются события былых и не столь отдаленных времен, упоминаются имена исторических лиц или популярных в народной среде общеизвестных христианских и местночтимых святых.

Часть I. О духах и страхах

Глава 1. Амулеты и «строительная жертва» в древнем Суздале

Амулеты

Одним из самых древних вещевых свидетельств мифологического мировоззрения являются амулеты. Они играли роль оберегов, носились как на одежде, так и под одеждой, на теле, и всегда были при человеке в качестве его личных предметов-хранителей. Самые древние амулеты, обнаруженные на Суздальской земле, относятся к эпохе палеолита (30 тыс. лет назад) и принадлежат древним сунгирцам. Среди амулетов-оберегов (по археологическим данным), характерных для суздальской истории домонгольского (I тысячелетие н. э. – XIII в.) и послемонгольского периодов вплоть до XVI века, выделяются одиночные фигурки, привески и так называемые **шумящие украшения** – подвески-комплекты, состоящие из нескольких фигурок.

Миниатюрные ложечки, гребни, топорики, ключики, бубенчики, ножики, а также зоо- и орнитоморфные изображения имели вполне определенное назначение и были связаны с конкретной сферой благожелательной и защитной магии: личное благополучие, целостность семейного очага, крепкое здоровье, удачная охота, воинская доблесть и т. д. Собственно, в них сосредоточивались все лучшие благопожелания, которые свойственны человеку. Многофункциональность фигурок на шумящих подвесках говорит сама за себя. С одной стороны, это типичный амулет-оберег и одновременно украшение, с другой – информация о владельце / владелице. Такие украшения-амулеты археологи находили и в могильниках, и в курганах, и на селищах, и на городищах. Следовательно, шумящие подвески не были связаны только с погребальной обрядностью: их носили и в обыденной жизни, применяли в быту. В качестве тематически обусловленных оберегов на древних украшениях использовались образы из мира флоры и фауны. Размещение на украшениях растительных орнаментов или изображений орнито-, зоо- и антропоморфного характера имело также магико-символическое предназначение. Изображения животных, птиц, рыб или пресмыкающихся издавна связывались с древнейшими мистическими представлениями и мифологическими верованиями людей. Много подобных скульптурных изображений можно увидеть на стенах древнерусских каменных храмов Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского. При этом изображения диковинных львов, грифонов, барсов и китоврасов в основном имели прямое отношение к символике княжеской власти, но в народном переосмыслении воспринимались как волшебные (сказочные) или диковинные животные и птицы, в том числе из библейских сказаний.

Ношение разных амулетов (копоушка, ложечка, ключик, ножик, топорик, фигурки животных, птиц и др.) на одной подвеске средневековым суздальцам защититься от вредоносных недобрых сил, нечисти, злых чар и духов, угрожающих человеку, а еще продуцировало удачу, достаток, благополучие, здоровье, избавляло от различных приобретенных недугов. Символика этих знаковых предметов предельно ясна. Ложка символизировала «полную чашу» в доме, ключ – сохранность дома и нажитого имущества, нож – добычливость, гребень – очищение, топорик – воинскую доблесть и т. п.

Вера в защитную, спасительную и продуцирующую магию амулетов имеет не просто многовековую, а многотысячную историю, свойственна всем без исключения национальным культурам и сохраняется у большинства людей на планете даже в XXI веке. Правда, теперь их функцию выполняют разнообразные предметные реалии – специальные и нет, часть из которых весьма обильно тиражируется. Некоторые предметы наделяются свойством амулета в силу исторической традиции, а также по наследству, по слухам или благодаря убежденной вере конкретного индивидуума, приписывающего им чудодейственную силу в связи с определенными жизненными обстоятельствами. Это может быть украшение, например кольцо, перстень, медальон, браслет (та же плетеная «фенечка»), фигурная подвеска, заколка, гребень, реплики древних амулетов, найденных при археологических раскопках, или любая старинная вещь небольших или миниатюрных размеров, монета, предмет религиозного культа (в частности, нательный крест или маленькая путевая иконка-складень, подвесная иконка в автомашине и т. п.), знаки тематической атрибутики и, наконец, используемые участниками военных действий ладанки, пули и осколки снаряда, подвешенные на отдельных шейных цепочках, веревочках или кожаных шнурках.

Со временем произошло переложение магических свойств с одних предметов / вещей на другие, что отразило смену основных религиозных представлений – от языческих к христианским при сохранении сути тематико-мифологических направлений.

Копушка (иначе – ухвертка) предназначалась для очищения ушей от скопившейся серы, но как амулет охраняла от проникновения злых духов в тело человека через уши. Кстати, устойчивая примета, что никто не должен видеть, «как уши будешь чистить, а то *влетит*»¹, зафиксирована в старинных суздальских селах Весь, Кидекша, Абакумлево, Мордыш и других, расположенных рядом с местами древних селищ, городищ или курганных могильников. Среди жителей Суздальского ополья в XX веке бытовало поверье о возможном «влетании» в ухо злых духов, непосредственно связанных с миром мертвецов, особенно при посещении человеком кладбища в неразрешенные дни. Чтобы уберечься от злых сил, следовало затыкать уши мизинцами рук, тряпочками или специальными «палочками с проворотом». Неразрешенными, то есть запрещенными для посещения кладбища, днями были дни менструаций для женщин, а также дни, не связанные с какими-либо запланированными похоронами или регламентированными христианской традицией поводами для посещения могил умерших родственников: в родительские субботы, на Пасху, в Троицу, в Духов день и т. п. Если человек все же отправлялся на кладбище в *плохие* дни, необходимо было иметь при себе связку ключей, которую следовало встряхивать с целью отогнать нечистую силу. Впрочем, звон или хотя бы погромыживание ключей, по убеждению суздальцев, в любом случае имели отпугивающий эффект².

Ох, вот подступит... Как мама там? Надо к маме [на могилу] сходить, так день не тот. Никак нельзя. Плохой день, неразрешенный. Ну так раньше говорили, что «неразрешенный». Как тут быть? Вот берешь ключей каких, чеснóчину в карман, и чтоб до полудня. Это хорошее время. И мама, была живая, так это говорила, чтоб в неразрешенный день обязательно до полудня на кладбище. Ключи теребишь, теребишь. От них шум, так мертвецы боятся этого. Я сенокóсила, а чо-то подступило. Тоска ли там, не знаю, и как-то меня потянуло это – сходить к маме. Пошла я [на кладбище] до полудня, часов в 11. Токо у могилки присела, говорю: «Мама, вот пришла я к тебе...», а тут чо-то шур-шур, шур-шур. Как ворочается кто. Я испужалася, ключи вытащила и как колокольцами дзинь-дзинь-дзинь, дзинь-дзинь-дзинь... Да... Ключами-то

¹ Имеются в виду болезнь, порча и т. п. *Здесь и далее примечания автора.*

² См. главу 6 «Исторические личности и события в суздальских преданиях».

трясу и сама вся трясусь от страха. А кричать-то на кладбище нельзя... Бабы мне после сказали: «Так была бы без ключей, тебя бы мертвец забрал»³.

Копоушки, найденные при археологических раскопках в Суздальском ополье, представляют собой небольшие костяные или железные, бронзовые, из медного сплава палочки с маленькой круглой выемкой на нижнем конце, напоминающей миниатюрный черпачок-ложечку. Длина их в среднем от 4 до 9 см. Одна из наиболее интересных находок («идольчик»), характеризующих мифологические представления средневековых жителей Суздаля, – «литая бронзовая объемная фигурка с двусторонним изображением мужчины в полный рост»⁴. Предположительно, фигурка представляла собой завершение черенка подвесной ложечки или копоушки (точно определить пока не удалось). На голове имеется дырочка – ушко-петля для подвешивания на цепочке или шнурке. Такие антропоморфные навершия связывают с изображением одного из божеств религиозного пантеона средневековых жителей всей Северо-Восточной Руси, возможно отражающих еще более древние мифологические верования аборигенного населения или первопоселенцев из мерянских и славянских племен.

Любопытна одежда суздальского «идольчика» – длинная мужская рубаха, присборенная на поясе. Такие одежды свободного покроя были характерны для славян средневекового периода. Особого внимания заслуживает рисунок на рубахе фигурки, который представляет собой в верхней части косые линии вдоль рукавов и туловища – возможную вышивку или специальную прошивку складок. Известный археолог, исследователь и реконструктор исторической одежды Мария Андреевна Сабурова, долгое время работавшая в Суздале, в личной беседе высказала интересную мысль о символическом значении направления линий такой вышивки для человека средневековой Руси и, в частности, относительно суздальской фигурки: «Косые линии очень символичны. По линиям глаз скользит сверху вниз и в стороны. Недобрый взгляд скатывается, не задерживается, и тем самым никакая порча не задерживается, тоже скатывается, скользит, идет прочь».

В старинных формулах суздальских заговоров местного населения встречается рекомендация об отводе порчи при помощи манипуляций руками по косой, то есть по диагонали от объекта заговора. Повсеместно (общерусская традиция) при непосредственном заговаривании от болезни, недуга, неудачи и тому подобного порча снимается еще и добавочным *ритуальным действием*: недуг как будто захватывается рукой или руками и сбрасывается / отбрасывается резким движением вниз. Жительница села Кидекша, одного из древнейших суздальских поселений, Анна Степановна Куклева объясняла, что «порча должна уходить прочь», а когда сама заговаривала вслух легким шепотком, то, кроме сопровождающих заговор действий, произносила с сильной экспрессией обращенные к природным стихиям слова в повелительном тоне: «Иди прочь, иди в ночь, иди на ветер, иди в огонь. Ветер, развей. Огонь, сожги. Боль (порча) с рабы Божией Анны прочь уходи».

Сохранившееся вплоть до XXI века суздальское поверье об ушных «палочках с проворотом» содержит свидетельство о том, что палочка, в отличие от средневековых медных или костяных копоушек, была древесной и вырезалась из дуба или осины. Дуб всегда символизировал крепость и силу, что, соответственно, проецировалось на владельца, а осина считалась оберегом и средством противодействия нечистой силе. Двойную функциональную нагрузку – утилитарную и магическую – несла и металлическая английская булавка, часть которой, скрученную пружинным колечком, старожилы Кидекши еще совсем недавно активно использовали в качестве копоушки. Такая булавка, кроме своего прямого утилитарного назначения, приме-

³ Здесь и далее все аутентичные тексты приводятся из личного архива автора – Балашовой О. Б. (ФАБ: СТ). Записи сделаны автором и участниками фольклорных экспедиций в Суздальский район в период с 1990 по 2001-й и с 2021 по 2025 год. Данный текст публикуется впервые.

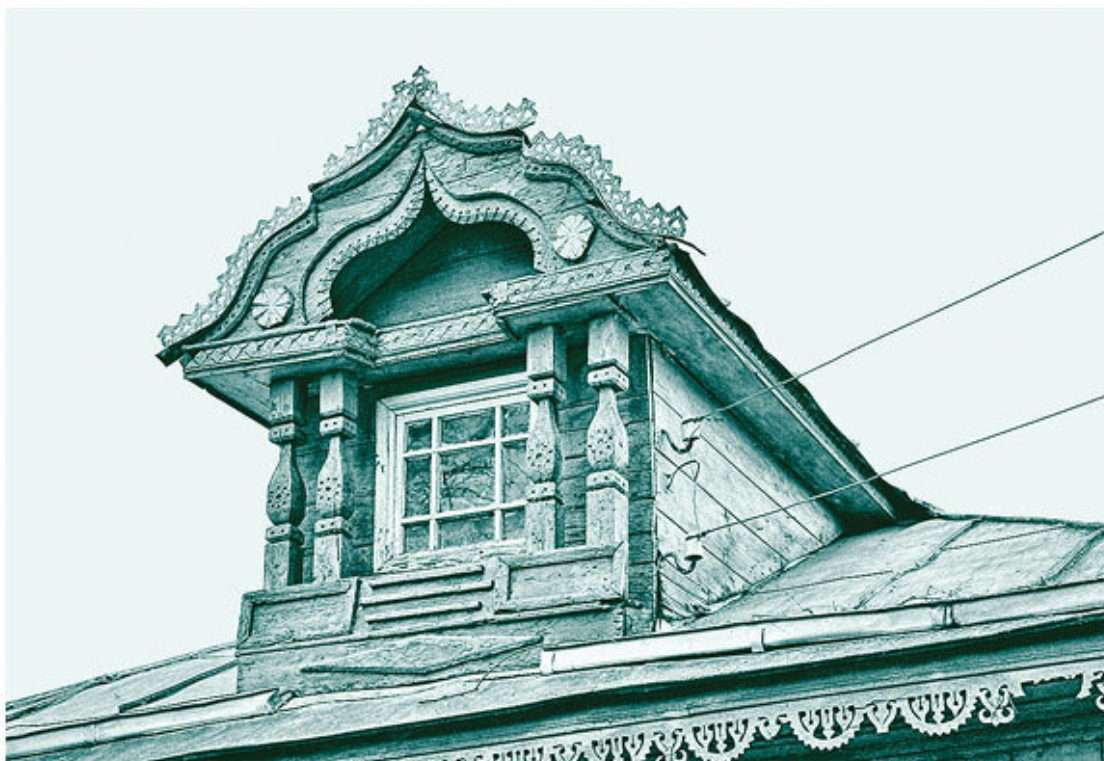
⁴ Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 209.

нялась как магический оберег для отвода «дурного / худого / плохого глаза» или от наведения порчи. Чтобы булавку не было видно, ее прикалывали с изнаночной стороны к подолу женского платья, отвороту или подкладке мужского пиджака, брюк и рубашки. Английскую булавку обязательно прикрепляли к одежде невесты и жениха в день свадьбы, «чтобы молодых не сглазили». В селе Красное в 1930-х годах случилась свадебная история с порчей свадьбы, наведенной как раз при помощи английской булавки.

В конце сентября в одной семье готовились к свадьбе. Мать невесты, собирая дочь на свадьбу, приколотла эту английскую булавку к нижней оборке свадебного платья. Уже собрались гости, пришел жених со своими сопровождающими, и все отправились в сельсовет (тогда молодые расписывались в сельсовете, церковного обряда не было). На пороге при выходе из дома невеста споткнулась, булавка расстегнулась и соскользнула на ступеньку. Это увидела одна старушка. Она приходилась родней жениху. Родня жениха не хотела, чтобы он брал эту девушку. Они зажиточные, а девушка из бедной семьи. Старушка подняла булавку и сломала ее. Жених сразу изменился в лице. Его как подменили. Он отвернулся от невесты и пошел по улице к своему дому. Вся свадьба расстроилась. Старушка отворотить-то отвортила жениха, но он боле не женился. А невеста долго хворала, и ее отмаливать ходили в [суздальский] Покровский монастырь⁵.

Безусловно, одиночный амулет-оберег или набор амулетов – это тоже текст, притом хорошо понятный не только его владельцу, но и всем современникам, особенно в период появления и широкого применения. И текст этот прежде всего словесный. Закономерно, что и древний человек, и человек Средневековья стремились всевозможными способами оградить себя от влияния негативных сил – будь то дурной глаз или недобрые духи природы. Знаковая система охранительной и благопожелательной магии нашла свое отражение в одежде, предметных бытовых реалиях, надомной резьбе, обрядовой пище и другом и всегда была связана со **словом**, произносимым вслух, проговариваемым про себя или ассоциирующимся на подсознательном уровне. Увиденное материальное изображение с магическим или определенным символическим значением действительно как бы мысленно проговаривалось. Нацеленное на добро благопожелание призывало счастье, здоровье, благополучие, а нацеленное на защиту, соответственно, ставило преграду злым силам или чарам. В этом отношении интересны рассуждения историка Бориса Александровича Рыбакова, вслед за фольклористами подметившего словесно-знаковое соответствие древнерусских и славянских изображений, наделенных магическим значением, в том числе в деревянной резьбе.

⁵ ФАБ: СТ. Текст публикуется впервые.

Суздальская домбвая светелка с солярными знаками. Первая половина XX в.
Фото автора. ФАБ: СТ

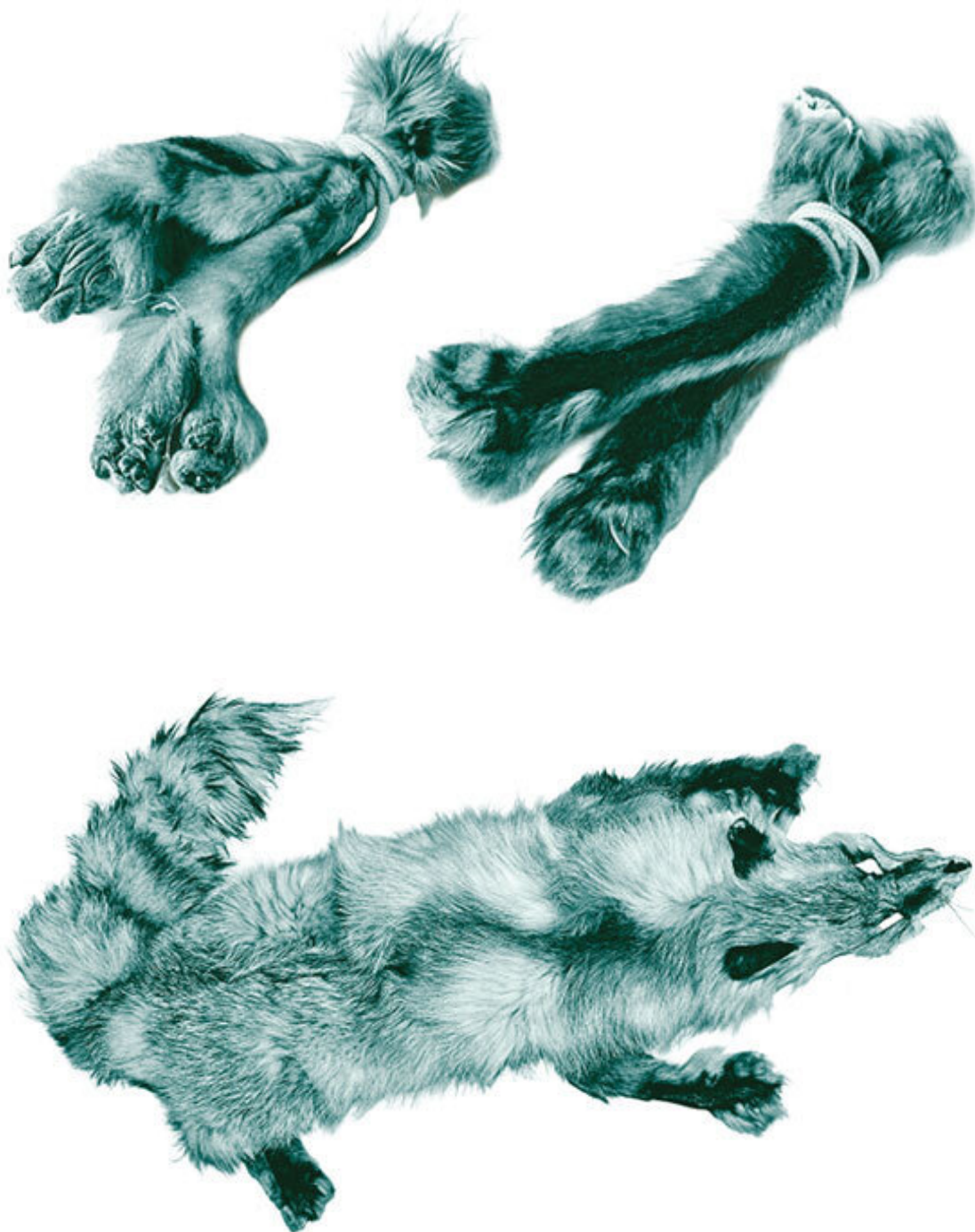
Для суздальской традиции декоративной домбвой резьбы, правда довольно уже позднего времени (вторая половина XIX–XX в.), характерными благопожеланиями были изображения солнечного круга (солярный знак или «солнышко») и птиц (петухи, курочки, утки, голуби). Декоративные элементы надомной резьбы долго сохраняли свое второе магическое назначение как оберегов дома и являлись амулетами жилища.

Традиционный суздальский наличник (фрагмент) с изображениями уток и петухов.
Фото автора. ФАБ: СТ

В качестве оберегов большое распространение в разные века получили **кости животных**: бобровые пяточные кости, клыки и зубы медведя, кабана или волка, заячья лопатка и др. В них просверливались небольшие дырочки для кожаного шнура. Легкие амулеты носились на шее или подвешивались к поясу – в основном они были распространены в среде охотников. Каждый соответствовал свойствам животного, которые через него переходили к человеку: клык медведя – быть сильным, как медведь; зуб волка – быть ловким, быстрым и добычливым, как волк, и т. п. Амулету животного происхождения приписывалась сила оберега, защищающего его владельца от вредоносных духов природы, которые властвовали на территории, куда вторгнулся человек. Первоначальные свойства амулетов из костей животных оказались невероятно живучи, нисколько не изменившись с течением времени. В начале XX века суздальские охотники по-прежнему верили, что клык медведя или зуб волка делает охоту удачной и оберегает от любого лютого зверя, а также от нечистой лесной и болотной силы, ведь в Суздальском районе издревле охотились на лис, волков, бобров, кабанов, зайцев, уток.

Популярным амулетом «на удачную охоту на лису», по словам старожил, были парные (передние или задние) лисьи лапы. После выделки лисьей шкуры две лапы отсекались, связывались вместе и хранились с другими охотничьими принадлежностями. Когда наступало время очередной охоты, их брали с собой, подвешивая к поясу. Охотники верили, что таким образом притягивают удачу. На границе леса следовало постучать лапкой о лапку и сказать: «Бегите, все лисы, ко мне, я [лиса] из вашего леса к вам иду». Охотник сообщал, что в лес пришел не человек, а их соплеменник из лисьей породы. Задача – скрыть истинную причину прихода в лес, спрятаться под звериной маской или за обманными словами, симитировать, притвориться, чтобы зверь не догадался, зачем пришел человек. Обряд «проникновения» в лес сохранял отголоски архаических мифологических представлений о пересечении границ «чужой» территории – места обитания лесных духов, которые могут навредить человеку, – и соотносился с промысловой магией. Известен обычай надевать личину зверя (шкуру), отправляясь в лес на охоту. По рассказам местных жителей, старый охотник из деревни Самойлово, расположенной в лесу на левом берегу реки Нерль напротив села Кидекша, отправляясь на промысел, брал с собой обработанную и выделанную лисью шкурку с головой зверя, которую надевал на шапку, тем самым стараясь придать себе вид «лисьего родича».

Охотничий амулет в виде лисьих лап и шкура лисы для «проникновения» в лес.
Фото автора. ФАБ: СТ

Среди амулетов-привесок на шумящих подвесках встречаются загадочные, с не выясненным до конца значением фигурки птиц и зверей: уточки, петушки, коньки, утиные лапки. Анализируя идентичные находки, относящиеся к X–XIV векам, исследователи обнаружили аналоги подобной мелкой пластики в Новгороде, Петрозаводске, Ярославле, Подмоскowie, Перми, Прикамье как следы расселения великорусской народности, в то же время определяя некоторые из этих фигурок как «типично мерянские». Разнообразие суздальских женских украшений, а именно привесок с антропо-, зоо- и орнитоморфными образами, отражающими мифологические воззрения разных этнокультур (славянской, финно-угорской, скандинавской, восточноазиатской, греческой и др.), свидетельствует о тесных международных контактах

жителей средневекового Суздаля X–XVI веков, о распространении и взаимопроникновении как знаковых мифических образов, так и модных ювелирных тенденций с использованием изображений мифических зверей, птиц, рыб и пресмыкающихся.

Изучение различных форм привесок-оберегов позволяет глубже проникнуть в мир языческих верований славян, а также проследить процесс взаимопроникновения различных представлений в **полиэтнической** среде Суздаля. В этом отношении значительный интерес представляют ажурные привески в виде птиц с острым клювом и гребешком на голове. Изображения эти очень напоминают священную для славян птицу – петуха, хотя привески снабжены отверстиями для шумящих подвесок в виде утиных лапок, характерных для финно-угорской мифологии. Амулеты с петушиным гребешком получили наибольшее распространение в городских центрах Северо-Восточной Руси, где соприкасалось славянское и мерянское население⁶.

Исследователи по-разному интерпретируют семантику и символику амулетов-фигурок, исходя из более поздних (XVIII–XIX вв.) свидетельств устного и обрядового фольклора и опираясь на устойчивость традиционных образов, сложившихся в течение длительного времени в финно-угорской и славянской этнокультурах. **Утка** символизировала женское начало и традиционно соотносилась с образами свадебной обрядности, семьи и, соответственно, продолжения рода. Вероятно, утиные лапки играли ту же роль. **Петух** в славянской мифологии занимал не менее важное место и воспринимался как самостоятельное мифическое существо. Петушиный крик возвещает о наступлении дня – дневного солнечного света, не переносимого злыми духами. В суздальском фольклоре (приметах, поверьях, гаданиях, быличках) нередко фигурирует петух или упоминаются отдельные его свойства (в том числе крик), имеющие принципиально мифологический подтекст. Записанная в Суздале фольклоризированная оригинальная сказка по мотивам пушкинской «Сказки о золотом петушке» изображает волшебного петушка, способного не только предвидеть появление неприятеля, но и своим громким криком отгонять нечистую силу. По суздальскому поверью, «семь петушиных голов от семи дворов» брали для избавления от мужской немощи или предохранения от пожара, а острые клювы – для охраны дома и отгона нечистой силы.

Петушиные гребешки в суздальской фольклорной традиции использовались при приготовлении ритуального свадебного блюда для жениха и невесты во время свадебной церемонии. Считалось, что они увеличивают мужскую потенцию и способствуют успешному зачатию в первую брачную ночь. Жених и невеста, отведавшие петушиных гребешков, приготовленных по особому рецепту, будто бы приобретали соответствующую силу для рождения здорового потомства. Как знать, может быть, именно этот фольклорно-этнографический факт отражен в петушиной фигурке-привеске, обнаруженной в Суздале.

Еще одна разновидность амулетов-оберегов, отражающих мифологические воззрения представителей знати в период эпохи феодализма и феодальной городской культуры, – **амулеты-змеевики**, заимствованные Русью из Византии. В славянском варианте это одновременное отражение двух разных религиозных верований – языческих (прежних) и христианских (новых). Небольшие округлой формы обоюдосторонние медальоны имеют символические изображения не на одной, а на обеих сторонах. На лицевой, как правило, помещены изображения христианской символики: Иисуса Христа, Богородицы с младенцем, архангелов, святых (святого Георгия, святых Петра и Павла и др.). На оборотной (той, что к телу) – «змеиное гнездо», в центре которого горгонейон – голова Медузы Горгоны с исходящими из нее зме-

⁶ Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. С. 210.

ями. Понятно, что второй сюжет перешел из античной мифологии, где отрубленная Персеом голова чудовища со смертоносным взглядом играла защитную и охранительную роль. «Змеиное гнездо» с головой Горгоны было призвано, в свою очередь, устрашать персонифицированные болезни, тем самым оберегая владельца амулета или избавляя от них.

В старину болезни называли по производимому ими действию. Особенность суздальского змеевика заключается в том, что античный сюжет усложнен дополнительной круговой надписью, содержащей минимизированное *именное* заклинание против болезней, лихорадок, недомоганий, психических и неврологических расстройств, в том числе истерии. Магическая сила «картинки» удваивалась за счет закрепленного надписью заклинания. Такое сочетание, по сути, отражало двоеверие, что провоцировало ожесточенную борьбу христианской церкви с употреблением амулетов-оберегов и введение строгих запретов. В конце концов осуждение и неприятие церковью амулетов-змеевиков вынуждало владельцев в какой-то мере их унифицировать – стачивать оборотные крамольные изображения, оставляя только христианскую символику, или вовсе отказываться от изображений на оборотной стороне.

Как визуализированная сюжетная модель двустороннего амулета-оберега змеевик со временем исчез. Его место навсегда и прочно заняли предметы христианского культа – иконка-медальон, крест-тельник и крест-энколпион (створчатый в форме креста медальон с мощами) и, как ни странно, ладанки (маленькие мешочки, которые вешались на шею) с зашитыми текстами христианских молитв или народных заговоров.

Суздальские находки амулетов-змеевиков относятся к XI–XIII векам. Внимание исследователей неизменно привлекает «Суздальский змеевик» (конец XII – начало XIII в.) из темно-зеленой с красными прожилками «кровавой яшмы», ныне хранящийся в Государственном историческом музее в Москве. Это змеевик, предположительно принадлежавший жене князя Всеволода III Большое Гнездо Марии Шварновне, с изображением семи отроков эфесских, женской головы с исходящими из нее шестью змеями и молитвенной надписью по кругу с указанием, как считают исследователи, имен детей княгини. Неудивительно, что мать стремилась оградить своих детей от различного рода несчастий и опасных недугов. Слова заклинания и символические изображения XII века, сами по себе представляющие визуализированные обереги-заклинания, должны были предохранять от зла и отгонять его точно так же, как молитвенные обращения к христианским святым. Надпись заклинательного характера на змеевике примечательна «зрелостью» текста и отражает факт бытования в XII веке устойчивой веры суздальцев в заговорное слово. Змеевик иллюстрирует пример симпатической медицины (лечение подобного подобным), особенно развитой в Средневековье. Надпись на лицевой стороне гласит: «Господи, Иисусе Христе, давший сон семи отрокам в Эфесской горе, дай и нам, рабам своим Георгию и Христине, сон животворный и мирный и угаси свечу огненную». На оборотной: «Господи, помози рабам своим, нареченным в святом крещении Марии и Христине, в мире же Миославе (?) со старшей дочерью. Аминь».

Суздальский змеевик сделан из камня, другие же выполнялись из меди, бронзы, серебра и даже золота. Они были подвесными, носились на цепочках или специальных нитях.

Подвесными амулетами являются и ладанки. Традиция носить ладанку с текстом молитвы вместе с землей, взятой у родного порога (в некоторых вариантах – из-под «печного места»), или зашивать заговорную молитву под подкладку одежды активизировалась в годы кровопролитных войн XX века – Первой мировой (1914–1918) и Великой Отечественной (1941–1945). Примечательны рассказы жителей Суздаля и его окрестностей о вере в спасение от смерти в бою с помощью такого рода оберегов: зашитой – «схованной (спрятанной) в тряпицу» вместе с щепотью родной земли молитвы-заговора, мешочка-ладанки «со своей землицей», крестиков-тельников. Зафиксировано одно любопытное свидетельство начала XX века об амулете-обереге в виде монеты царского времени с прокарябанными вручную «кружком и змейками» со стороны решки. Рисунок, воспроизведенный информантом по памяти, хотя

и выглядит схематично, действительно напоминает не что иное, как обратное изображение «змеиного гнезда» на некоторых змеевиках XI–XIII веков (суздальская коллекция): линии – туловища змей, утолщения на конце линий – головы змей, кружок – голова горгоны. Сам рассказчик не знал, почему именно такое изображение было нанесено на монету, а запомнил потому, что отец показывал, когда вешал себе на шею перед уходом на войну в 1914 году. Любопытно и то, что информант называл линии «змейками», но связывал их с местными поверьями о змеях, довольно распространенными в Суздальском районе.

«Строительная жертва»

Ярким свидетельством пережитков мифологического мировоззрения в городской культуре Суздаля XI–XII веков являются обнаруженные при археологических раскопках остатки «строительных жертв»: конские черепа и нижние челюсти коней. «Строительная жертва» известна как осуществлявшийся в древности и Средневековье обряд жертвоприношения богам при постройке крепостей, замков, монастырей, жилищ с целью умиловить духов природы, чтобы обеспечить долговечность сооружения, а для крепостей и замков – еще и неприступность. Жертвоприношение в языческие времена мотивировалось необходимостью совершить заклятие священного животного или птицы во избежание «недовольства» духов природы и соответствующих богов.

Принесение в жертву священного животного или иногда человека было распространено во всем мире, у всех народов. У славянских племен священными являлись петух и конь. Их приносили в жертву при сооружении жилых домов, укреплений и общественных зданий, чтобы охранить обитателей постройки от злых духов и обеспечить прочность здания⁷.

Следы «строительных жертв» в Суздале были обнаружены в историческом центре города. Место, куда помещалась жертва или часть жертвенного животного (здесь: конская голова или нижняя челюсть), представляло важную точку конструктивной части жилой постройки – под угол (углы) дома или дверной проем, то есть порог. Так закрывался вход в дом от проникновения злых духов, потому что и угол, и порог являлись сакральными местами жилого помещения.

Несомненно, в свое время жертвоприношение обставилось определенной обрядовой церемонией. Рядом с черепом коня обнаружили керамический горшок с остатками ритуальной пищи, что явно свидетельствует о проводимой при обряде тризне.

Скорее всего, обряд «строительной жертвы» в Суздале и, вероятно, в Суздальском ополке, как и во всем Волго-Окском междуречье, был хорошо развит с древних времен, но уже к XIII–XIV векам под все возрастающим влиянием христианизации Северо-Восточной Руси традиция приносить в жертву коня практически сошла на нет. Во всяком случае, в Суздале археологами не зафиксированы подобные находки в слоях XIII–XIV веков. Однако не будем забывать, что это время монголо-татарского ига. Очевидно, отсутствие находок «строительной жертвы» в указанный период можно аргументировать опустошением Суздальской земли в результате разорительных набегов вражеских орд, после которых конь или лошадь в хозяйстве ценились буквально на вес золота. И тем не менее говорить о полном исчезновении обряда «строительной жертвы» в суздальских селах и деревнях более позднего времени было бы опрометчиво, поскольку фольклорные свидетельства, зафиксированные в конце 1990-х, отсылают к цепочке рассказов представителей старшего поколения («дедка рассказывал, а ему – его отец»), к XVII–XVIII векам, и подтверждают факт замены объекта «строительной жертвы» (вместо коня – петух) при постройке (закладке) не только жилого дома или переносе старого, например

⁷ Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. С. 207–208.

из другого села на новое место, но и при возведении мельницы, общественного здания и даже культового религиозного сооружения (церкви, часовни, колокольни). Произошла переориентация выбора объекта жертвоприношения, вследствие чего трансформировалась сама предметность «строительной жертвы» (не животное, а вещь), и в дальнейшем в основном использовались серебряные деньги, горсть зерна и очень редко – петух или его голова и лапки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.